

Родион МАРИНИЧЕВ

Родион Мариничев родился в 1984 году в Саранске, детство и юность провёл в Петербурге, окончил факультет журналистики СПбГУ. С 2005 года живёт в Москве. Публиковался (в том числе под псевдонимом Родион Вереск) в журналах «Нева», «Урал», «Октябрь», «Новая Юность», «Знамя», Ното Legens и др., на порталах «Сетевая словесность», «Ликбез». В «Волге» печаталась проза (2011, 2015, 2016, 2018). Живет в Москве.

Тронешь землю ладонью, подышишь – взойдут ростки
В белый полдень в конце зимы. Колоски, а потом цветки
Загорятся, зардеются вплотную к раме, к стеклу.

Завязываешь шнурки,
Идёшь пустырём полусонным,
Двором законным.
Там, на углу,

Обернувшись, видишь в нарастающей тишине:
Верёвка с прищепками на солнечной стороне,
Тень от разросшейся липы на шершавой стене,
Кремовые занавески, цветы на окне.

«Завтра оттепель. Послезавтра – жара...»
Слышишь, как радио надывается на обоях нагретых?
Спасаясь от завтра, хотел бежать на край света, –
Вот он, ветренный, белого света край:

Ржавой пожарной лестницей обрастает последний дом,
Силуэт теплотрассы в клочках прошлогодней травы.
Отступающий снег пахнет свежим бельём,
Воздухом полевым.

Энергия прошлогодней листвы
Согревает остывший воздух.
Синий на молнии дождевик
Накинешь – и поздним
Утром – молодая осока, сныть
В стороне от асфальта.
Озябшими пальцами
За пазуху – нырк...

Тело твоё

Дрогнет, припомнив,
Как пахнет стружка на пилораме,
Как сухие травы перешёптываются под ногами,
Уступая место свежей крапиве,
Жёлтым цветкам,
Упругим стеблям.
Медленная земля,

Одуванчиковый материк
Никак не уйдёт из-под ног, нелепый.
Чёрный асфальт на виду, трава на слуху...
Вымерших листьев кофейный цвет,
Запахи прошлого лета.
Мокрый бетон стойко сопротивляется мху.

Пасха была.
Пахнут костры
сквозь пыль,
сквозь (**),
сквозь ветер неспешный хвойный.
Мимо (***) тянется путь окольный.
Время, воздух, зола.

Земля под скамейкой –
яичная скорлупа,
битый кирпич,
луковая шелуха.
Небо над крышами,
над (**),
над проводами, –

перистые облака.

Встань и иди
неровной дорогой привычной
сквозь этот мир
подоблачный мозаичный,
сквозь это (**),
сквозь это житьё-бытьё.

Манна. Тропа
в прошлогодних сосновых иголках,
поселковая слякоть:
(**), (**), осколки.
Хлебные крошки под лапками воробьёв.

Как не подать руки
гному из пенопласта,
От которого ничтоже сумняшеся
избавились, как от балласта?
Как не потрогать
гремящие велосипедные цепи,
Пальцы испачкав в масле,
в ржавчине цвета сепия?
Стрелы, пули, пистоны
на дне неглубокого схрона.
На завтрак, обед и ужин –
ускользающие макароны.
На белых больших кастрюлях
писали «чай» красной краской,
Чтоб понимать хоть что-то
в обрезках колбасы ленинградской.
Самолётов бумажных стая
кружится, как живая,
Над токосъёмником
поворачивающего трамвая.
С неба летит щелкунчик,
деревянные зубы стиснув,
Чтоб, побарахтавшись, сгинуть
в водах дворового стикса.
Оборотни и куклы,
мёртвые и живые,
Не пойду на Васильевский –
пойду на Пороховые.
Медленный серый лес
у соединительной ветки.
Лихо шагает ЛЭП,
едва колеблются ветки,
Булькает теплотрасса,
по бетону стелется пакля.
Ржавая речка из коллектора
каплет и каплет.

Ветер на Воробьёвых. Добежать, дожить
До елового перекрёстка, где всё белым-бело...
Мама и папа сидят за белым столом.
«Ешь», – говорят, разбавляют чай молоком.
Снег за стенами кружит.

Неторопливый бульдозер,
Лыжный трамплин над рекой.

Что ещё в жизни было?
То ли скрип двери в подъезде,
То ли какой-то похожий звук.
Соседская девочка, разматывая шарф, говорила:
«Вырасту – уеду в Москву!»

До ночи играть в города –
Вьюжная широта-долгота,
Отколовшаяся, будто Гиперборея.
Лифт набирает ход.
Выше, прохладней, сырее.
Тридцать второй этаж.

Стремительные. Крылатые –
То ли голуби, то ли качели.
Мама заглянет в комнату:
«Пора вставать!»
Серая метель, голубые ели.
Москва – Москва...

Подует с юга,
Размякнет-раскиснет, –
Иди, не раздумывая.
Потолок, как утро само,
Грязно-бел.
Вода прибывает,
Вода оmyвает,
Раскачивает, как колыбель,
Твою жизнь бесшумную,
С продранными обоями цитадель.

Уходя, приоткрой окно,
В прихожей оставь свет,
Иди сосновыми тропами,
Заснеженными болотами,
Как северный человек,
Крадущийся между ветками...

Уходя, не срывай замызанного календаря,
Оставь себе что-нибудь цепкое,
Что-то неброское, редкое,
Как 29 февраля.

В голове прокручивай:
Ось Земли,
Движение литосферных плит –
И снизу, и сверху плавится ломкий снег,

Вода низвергается по стене,
И свет горит.

Чья-то дочь
Надевает сандалии
В парке возле пруда
Поправляет волосы
Выгоревшие на солнце
Сгибает коленку
В позе «на старт»
Затягивает застёжку
Готовясь в бега пуститься
Выискивать
Сниться
Ждать
На солнце
Ветру
На мосту
В феврале
Високосного года
На платформе
Бирюлёво-Товарная
У подземного перехода

Снежными вёснами,
На ярком небесном свету,
Я так отчётливо видел свою мечту:
Выйти на большой поворот,
Сесть в заводной самолёт,
Когда снег провалится и потечёт...

А в самолёте пружинка туга, звонка,
Река внизу белая, будто из молока.
Мама! Я усну и улечу далеко!
«Пей! – скажет, – Я согрела тебе молоко!»
Коротковат красный свитер колючий,
В руках – чашка с отбитой ручкой,
Осколок, куда-то под стол упавший,
Как таблетка горького валидола.

Заглядываешь за угол коридора –
И вот – лампочка догорающая,
Искра от электрического разряда,
Колыбельная от снегопада до снегопада,

Женский голос уставший,
Самолётик, на брюхе лежащий.

В стране опоздавших грачей –
Гаражи, кирпичи,
Песок по обочинам,
Песок на зубах, на плече.

Окно распахнёшь – силуэт котельной
Отбрасывает длинные тени.

Утро твоё – тропинка через пустырь,
Грач на бетонной плите,
Солнце ведёт подветренной стороной.
Подыши в окно,
Посмотри на себя в окно.

Пылинки вспыхивают в высоте.
Ты идёшь стороной подветренной.
Мир разворачивается, вспыхивает у тебя в виске,
Как на картинке из книжки:
Солнце, следы на песке.

Что там, за поворотом,
Куда не велено?
Крадёшься, выглядываешь за угол дома:
Подснежники за кирпичной спиной котельной,
Мать-и-мачеха перед грудой металлолома.

Мои соотечественники
С умиротворёнными лицами,
Пристёгнутые ремнями
К дерматиновым креслам,
Закрывают глаза,
И им снится
Густое облако
Над островерхим лесом.

Снится, как хотелось куда-то прочь
Улицей, полем, оврагом.
Чаячий силуэт
Вспыхивает зигзагом
И пропадает, сжимается в точку,
В воздушном токе кружа.

Жизнь на семи виражах,
Ты у меня одна,
Словно внизу страна.

Катер у песчаного берега,
Деревянный пирс,
Яркий след над опушкой утренней –
Петропавловск-Камчатский – Новосибирск,
Дальний внутренний.

Пятна воды под крылом
В колких солнечных бликах.
Туже ремень затяни
(Здесь чуть-чуть поболтает),
Пролетая над крышей и грядками,
Где отходит клубника,
А картошка только вот, зацветает.